

УДК 568.24+591.522(292.481+292.486)

К ВОПРОСУ О ГНЕЗДОВАНИИ ТУНДРОВЫХ ВИДОВ КУЛИКОВ В ОРЕНБУРГСКИХ СТЕПЯХ В 19 ВЕКЕ

© 2018 г. В. В. Тарасов¹, *, Л. В. Коршиков¹, **

¹Институт экологии растений и животных УрО РАН, Екатеринбург 620144, Россия

*e-mail: grouse@bk.ru

**e-mail: tringa@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.11.2017 г.

Об эпизодическом гнездовании в бывшем Оренбургском крае ряда тундровых видов куликов во второй половине 19 века писали видные исследователи фауны птиц этого региона Э.А. Эверсманн, Н.А. Зарудный, П.П. Сушкин и некоторые другие. В большинстве случаев их утверждения основывались лишь на косвенных данных, таких как летние встречи взрослых особей и кочующих выводков. Учитывая особенности биологии указанных видов, такие данные не могли служить достаточным доказательством их гнездования. В середине 20 века эти данные были подвергнуты справедливой критике и ревизии, в результате которой все выводы о гнездовании в регионе тундровых видов куликов были признаны ошибочными. Казалось, в этом вопросе поставлена точка. Вместе с тем, наряду с косвенными данными о гнездовании северных куликов, ранние исследователи приводили также и вполне конкретные факты находок гнезд с кладками и нелетных птенцов (в частности, круглоногого плавунчика и кулика-воробья), которые в ходе последующей ревизии по ряду причин не были приняты во внимание. В середине 20 века найти объяснение таким не укладывающимся в общую картину фактам было трудно. Большое значение имело также отсутствие новых гнездовых находок этих видов, которые могли бы подтвердить правоту исследователей 19 века. Представления о влиянии многовековых циклов изменения климата на динамику гнездовых ареалов птиц получили широкое распространение лишь к концу 20 века. Сейчас, с развитием таких представлений, предположение о гнездовании некоторых тундровых видов куликов в аридных областях не выглядит уже столь неправдоподобным. Возможно, Н.А. Зарудный и П.П. Сушкин были теми последними исследователями, которым удалось застать на гнездовании в Оренбургском крае исчезнувшие на фоне потепления климата популяции этих куликов.

Ключевые слова: фауна, птицы, распространение, динамика гнездовых ареалов, климатические циклы

DOI: 10.1134/S0044513418120103

Изучение распространения птиц издавна было одним из главных направлений в орнитологии, ее фундаментом. За свою историю авифаунистика претерпевала сложные этапы становления. Еще 100–150 лет назад естествоиспытатели мало заботились о фактическом доказательстве размножения того или иного вида в каждой конкретной местности, и выражение “гнездится там-то” часто означало не более чем “встречается в гнездовое время”. В то время специальный поиск гнезд не был первоочередной задачей орнитологов. К середине 19 века только закончилось описание многих видов птиц. На первых этапах инвентаризации фауны Российской империи требовалось изучение их распространения на отдельных территориях. Поэтому главным предметом исследований был сбор коллекций тушек птиц. У добытых экземпляров изучали степень развития половых органов, наличие наседных пятен, и это позволяло косвенно судить о гнездовании. Позд-

нее коллектирование тушек постепенно утратило свое значение для фаунистики, сместившись в область систематики. Вместо него на первый план вышла необходимость получения строгих фактических данных, характеризующих статус пребывания вида на той или иной территории. В качестве неопровержимых доказательств гнездования вида в определенной местности стали признавать только находки гнезд с кладкой или нелетных птенцов.

Неудивительно, что на новом этапе развития авифаунистики прежние представления о границах гнездовых ареалов тех или иных видов птиц были подвергнуты ревизии. Так, были отвергнуты сделанные в 19 веке на основе летних встреч взрослых особей и кочующих выводков выводы о размножении, в т.ч. в оренбургских степях, птиц, имеющих более северные ареалы. В особенной степени это коснулось куликов. Однако знакомство с работами первых исследователей фауны

птиц Оренбургского края и критическими статьями их последователей показывает, что эта критика зачастую оказывалась чрезмерной. Некоторые факты были либо искажены, либо вовсе отброшены и забыты. По мнению Давыгоры (2000), истина, как всегда, видимо, находится посередине, т.к. критиками были отмечены серьезные фактические данные, когда исследователь детально описывал места гнездования, находки гнезд и нелетных птенцов. По-видимому, точка в данном вопросе была поставлена преждевременно.

В настоящей работе мы решили изучить доводы исследователей прошлого, сделавших выводы о гнездовании тундровых видов куликов в оренбургских степях, и последователей, которые эти выводы отвергли, и обсудить эти доводы. Под оренбургскими степями мы рассматриваем территорию, которую занимала Оренбургская губерния в 18–19 веках, и ее окрестности. Эта губерния была обширнее нынешней Оренбургской обл. России и включала часть западных областей Казахстана.

АНАЛИЗ ПЕРВОИСТОЧНИКОВ

Во второй половине 19 века наиболее значимый вклад в изучение птиц Оренбургского края внесли Э.А. Эверсманн, Н.А. Северцов, П.С. Назаров, Н.А. Зарудный, П.П. Сушкин. Эти исследователи отнесли к категории гнездящихся птиц несколько видов куликов, основные ареалы которых расположены далеко к северу, в тундровой зоне. Основания, которые позволили им сделать такие выводы, весьма любопытны. Ниже мы приводим аннотированный список этих видов вместе с доводами авторов в пользу гнездования каждого вида, разделив их на две группы. В первую группу вошли виды, в отношении которых доводы об их гнездовании в рассматриваемом регионе, на наш взгляд, выглядят малоубедительными. Вторая группа заслуживает большего внимания, по этим видам имеются вполне конкретные факты гнездования в оренбургских степях. Наиболее важные из этих фактов нами подчеркнуты. При цитировании первоисточников авторский текст выделен нами курсивом. Даты оставлены в старом стиле — так, как их приводят цитируемые авторы. Цифры в квадратных скобках в тексте соответствуют номерам местностей, обозначенных на карте-схеме.

Первая группа видов

Галстучник (*Charadrius hiaticula* (Linnaeus 1758)). Эверсманн (1866) пишет, что этот вид “...вьет свое гнездо, по крайней мере, в Казанской и Симбирской губерниях” и приводит его описание: “Яйца кладет в ямку, на песке; их четыре в одном гнезде; по размеру птицы они довольно велики и имеют на матовом беловатом, слегка красноватом грунте много серых и буро-черных точек и малень-

ких пятен” (с. 381), причем это описание отличается от его же описаний гнезд малого зуйка. Однако неясно, находил ли он галстучника в пределах именно Оренбургского края. Зарудный (1888, с. 277) нашел галстучника “в качестве гнездящейся птицы по Илеку около Буранной станции [1] и около Актобе [2]”. Каких-либо фактов, подтверждающих гнездование, автор не приводит.

Хрустан (*Eudromias morinellus* (Linnaeus 1758)). Назаров (Nazarov, 1886) предполагал гнездование хрустанов для “полосы полынок”, но не указал, на чем основано это предположение и к какой местности оно относится. Зарудный (1888, с. 277) пишет: “В 1883 г. я встретил небольшое количество этих птиц, гнездившихся по пустынным глинистым местам урочища Биш-Томак [3] между реками Исенбай и Исет-батырь. Кроме того, нашел нескольких в глинистой возвышенной степи у озера Ащекуль, недалеко от впадения реки Сау-каин в Улухобду [4], где они также гнездились, т.к. отводили меня вроде того, как делают это тиркушки у гнезда или около детей”. На остальном пространстве оренбургских степей Эверсманн, Северцов, Зарудный и Сушкин наблюдали хрустанов только во время пролета. Вместе с тем есть сведения о находках кладок и нелетных птенцов в Волжско-Уральском междуречье (Волчанецкий, 1937). Примечательно, что в первой половине 19 века хрустан в рассматриваемом регионе встречался в большом количестве на весеннем и осеннем пролете (Эверсманн, 1866), а после 1933 г. исследователи долгое время вообще не могли обнаружить этот вид даже на миграциях. За последние годы известно лишь несколько регистраций небольших стай и одиночных особей в период осенней миграции (Гордиенко, 1982; Коровин, 1997; Давыгора, 1998; Назин, 2014).

Камнешарка (*Arenaria interpres* (Linnaeus 1758)). Эверсманн (1866) и Назаров (Nazarov, 1886) в обобщенном виде называют камнешарку гнездящейся птицей зоны полупустынь и пустынь. По Зарудному (1888, с. 284), “камнешарки нормально ежегодно гнездятся только по большим соленым озерам, каково, например, Сор-куль [5]. ... Сор-куль у реки Ку-агач в нашем краю составляет любимое место пребывания камнешарок. Тут встречаются они стаями штук до 25 в каждой и очень часто”. Нужно признать, что это утверждение действительно выглядит голословным и, по-видимому, было справедливо подвергнуто критике, поскольку речь идет о стайном пребывании вида. Тем более что, как следует из его маршрутов и из экземпляров его коллекции, он был на Сор-куле только с 24 июля (по новому стилю 6 августа). Сушкин (1908) 26 мая 1894 г. добыл самку из пары на Каиршакты-куле [6] с сильно припухшим яичником и фолликулами около 3 мм в диаметре. В области Иргиза [7] он встретил летавший выводок 20 июля на Бупай-соре, видел одиночных молодых 21 июля на Клим-джайгане, а на следую-

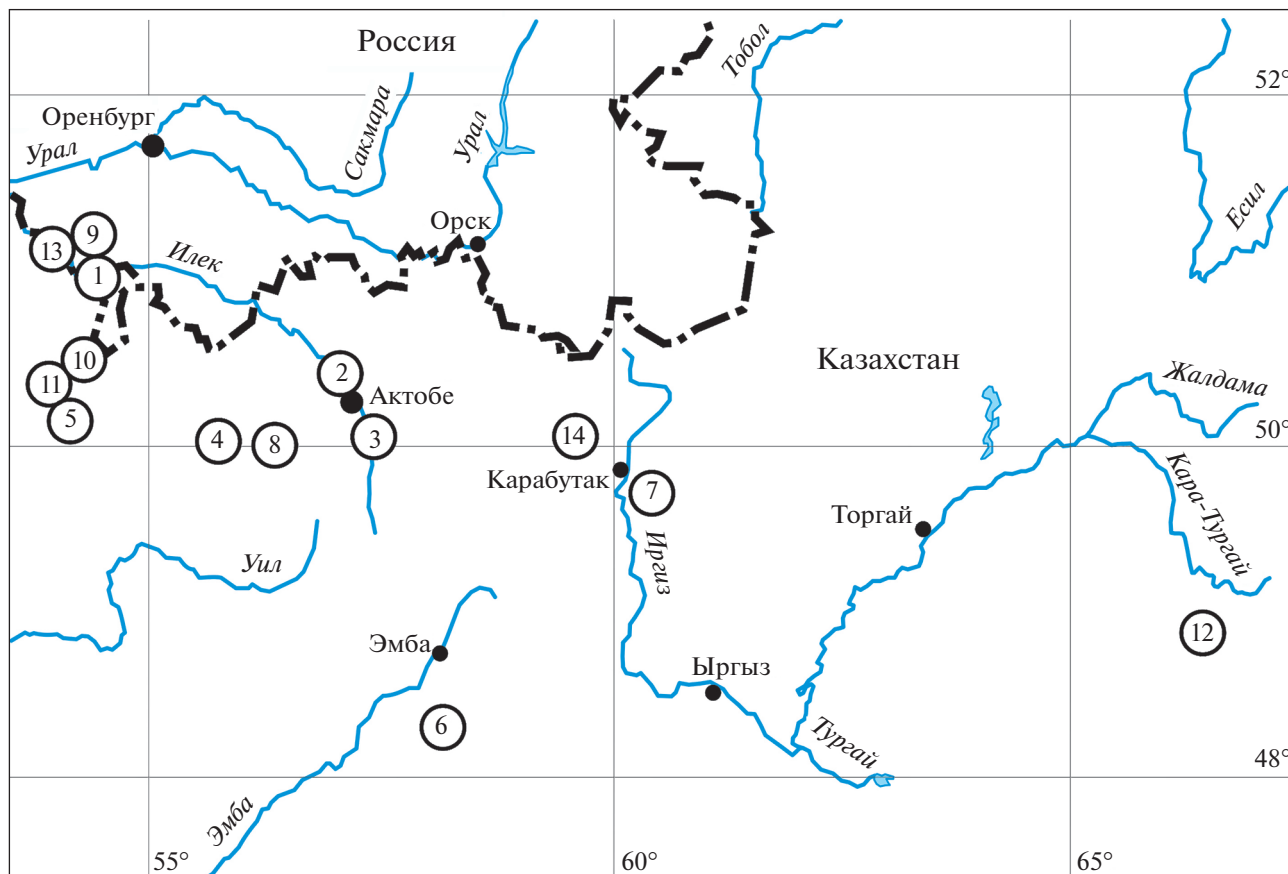

Рис. 1. Места гнездовых (?) находок в оренбургских степях галстучника [1, 2], хрустана [3, 4], камнешарки [5, 6, 7], плосконогого плавунчика [8], круглоногого плавунчика [8, 12], кулика-воробья [2, 5, 6], краснозобика [8], чернозобика [9], песчанки [8, 10, 11], грязовика [13, 14]. Подробности – в тексте.

ший день добыл одиночную птицу и затем – двух самцов и двух самок из стайки на Кунспай-соре; добытые экземпляры были взрослые и, “судя по состоянию половых органов, гнездились в этом году” (с. 156). Здесь следует отметить, что по новому стилю они были добыты 4 августа и, значит, вполне могли уже преодолеть достаточно большое расстояние от места гнездования.

Краснозобик (*Calidris ferruginea* (Pontoppidan 1763)). По Эверсманну (1866), этот вид в пределах Оренбургского края встречается в течение лета всюду в удобных для него местах, как северных, так и южных. Назаров (Nazarov, 1886), ссылаясь на Э.А. Эверсманна, относит краснозобика к гнездящимся видам во всех выделенных им природных зонах. Зарудный (1888, с. 298) краснозобика “гнездящимся нашел на Биш-Копинских сорах и на Сор-куле [8]; в последнем кривоносые песчаники были очень обыкновенны”. Никаких подтверждений гнездования автор не приводит. Вероятно, основания говорить о гнездовании вида ему дала добытая здесь 25 июля 1883 г. совсем молодая птица, едва только надевшая полный наряд из пухового (Бутурлин, 1905). В остальных местах – по

рекам Урал, Илек, Хобда и озерам Аше-Куль и Ак-Куль – он находил краснозобиков на пролете и летних кочевках. Экземпляры в его коллекции были добыты на Сор-Куле 24–25 июля 1883 г. (по новому стилю – 5–6 августа).

Чернозобик (*C. alpina* (Linnaeus 1758)), согласно Зарудному (1888, с. 297), “...встречается летом довольно редко у нас в краю и гнездится еще реже. Гнездящимся я нашел его в 1881 г. в долине Илека около Новоилецкого поселка” [9]. Автор не приводит каких-либо доказательств гнездования вида. Вместе с тем, очевидно, что эта единичная находка не имеет ничего общего с наблюдениями летом в степях многочисленных негнездящихся (пролетных или кочующих) чернозобиков. Так, например, один из трех экземпляров в его коллекции был добыт 25 июня 1881 г. у станции Буранная (два других – уже в августе), при этом Буранную как место гнездования чернозобика он не называет.

Песчанка (*C. alba* (Pallas 1764)). Зарудный (там же, с. 300) пишет: “Песчанки, хотя и редко, но нормально гнездятся в нашей стране. В первых числах июля 1883 г. нашел я несколько выводков на Биш-

Копинских сорах [8], а во второй и последней трети этого месяца — на Сулюк-куле [10] и Чушкалы [11]”. Заметим, что по новому стилю эти встречи приходится на вторую половину июля — начало августа. По всей видимости, речь здесь идет о летних выводках, что не может служить доказательством гнездования вида в регионе. Сушкин (1908) приводит песчанку в качестве гнездящейся птицы для верховьев Иргиза [7]. При этом он опирается на наблюдение в начале третьей декады июня птиц с отвлекающим поведением и акцентирует внимание на том, что такие птицы были им встречены только в одном месте (с. 145–146): “Птички держались изредка поодиночке, чаще парочками или небольшими стайками, в 5–6 штук. Особенно много птичек этих было на Бупай-соре; здесь по-видимому были и выводки, но добыть их было очень трудно. ...Интересно, что стайки песчанок при появлении человека отлетали, покрикивая, а затем являлись одна или две песчанки и начинали, не подлетая на близкий выстрел, вертеться около охотника, как бы стараясь отводить — летали кругами, присаживались, бежали прочь, поминутно оглядываясь, и снова подлетали”.

Вторая группа видов

Плосконосый плавунчик (*Phalaropus fulicarius* Linnaeus 1758) найден на гнездовании на Биш-копинских сорах [8] Зарудным (1888, с. 292), который встретил 24 июня 1888 г. (по новому стилю — 5 июля) выводок из трех молодых, “не умеющих еще летать”. Отнесен им к числу случайно гнездящихся видов.

Круглоносый плавунчик (*Ph. lobatus* (Linnaeus 1758)). Зарудный (там же, с. 290–291) нашел этот вид гнездящимся во многих пунктах Оренбургского края к югу до урочища Биш-копа [8] “...в достаточном количестве везде, где только есть более или менее значительные сырые солонцы с соляными озерами и болотами. ...Гнездятся плавунчики, насколько сумел заметить, общественно, большей частью на сырых берегах соров, покрытых невысокой травой. Гнезда устраиваются в нескольких шагах друг от друга, приблизительно по следующему образцу: каждая парочка набрасывает, под прикрытием особенно густого кустика травы, из прошлогодних стебельков и листьев, взятых часто из груд наносов полой воды, род холмика, верхушку которого уминает ножками в плоскую ямочку, долженствующую играть роль гнездового лоточка. Сюда самочка кладет от трех до четырех яиц, которые насиживает вместе с самцом. Яйца, уже сильно насиженные, я находил в начале июня”. В другой своей работе (Зарудный, 1889, с. 661) он пишет, что “большая часть добытых у гнезд экземпляров оказывалась самцами” и признает ошибочным свое прежнее заключение об участии самок в насиживании яиц, а также указывает, что в регионе

гнездится только десятая часть всех пребывающих в летнее время плавунчиков.

Сушкин (1908, с. 180–182) про круглоногого плавунчика говорит, что у него как и у некоторых других жителей тундры “...преобладают пролетные и бродячие летние особи, но часть, несомненно, и гнездится. ...На озере между Кара-жиланды и Сары-тургаем [12] я встретил 18 июля (1898 г.) выводок плавунчиков из 5 молодых птиц; при нем держались 2 старика и один плавал поодаль. Птицы держались тесною группой и летали заметно хуже стариков; несколько раз я подходил очень близко к выводку, и тогда старики начинали тревожно перелетать и уводили выводок на другую сторону озера. ...В урочище Масак на разливах арыков по солонцеватой площади я встретил одиночного плавунчика, который с криком налетел на собаку — и весьма успешно сбил с толку и ее, и нас. В остальных перечисленных пунктах я нахожу с 6 мая и до конца этого месяца, наряду с пролетными стаями, парочки плавунчиков, которые держались совершенно особняком и от своих сородичей, и от других куличков. Местность во всех этих пунктах вполне удовлетворяла условиям гнездования плавунчика, как их описывает Зарудный”.

Кулик-воробей (*Calidris minuta* (Leisler 1812)), по Эверсманну (1866, с. 436), в Оренбургском крае — не редкая птица; в конце июня и в начале июля встречаются молодые, еще не совершенно оперившиеся. По словам Зарудного (1888, с. 297), кулик-воробей “...летом попадает редко, не гнездится довольно постоянно у Сор-куля [5]”. Он не указывает, как и в случае с галстучником, чернозобиком и рядом других видов куликов, никаких фактов, подтверждающих гнездование, но вероятно, он просто не счел нужным приводить очевидные доказательства, что непременно сделал бы в случае, если бы нашел единственное гнездо какого-либо особо редкого вида. Из этого следует, что гнезда куликов-воробьев он находил неоднократно.

Сушкин (1908) пишет, что кулик-воробей в оренбургских степях “обыкновенен и местами даже многочислен на пролетах и летом, а немногие особи здесь и гнездятся” (с. 138). У верховьев Илека [2] он добыл 28 июня 1893 г. самку с пятном насиживания (там же, с. 139), 24 и 27 мая 1894 г. на оз. Ак-куль [6] между Эмбой и Мугоджарами добыл “отводивших от гнезда самок с набухшим яичником и яйцеводом; одна из них (добытая 24 мая) была уже с большим пятном насиживания. Самцы не держатся при гнездящихся самках” (там же, с. 141). Еще одним доводом в пользу гнездования кулика-воробья П.П. Сушкин называет встречи отдельных беспокоящихся птиц по травянистым болотам в окрестностях озер, в то время как кочующие и летующие птицы встречались только по илистым мелководьям (там же, с. 140–141): “Летом песочник держится поодиночке, парами и стайками штук по 20; такую стайную жизнь ве-

дут громадное большинство особей... Наряду с такими бродячими особями встречаются, как я уже сказал, и несомненно гнездящиеся; они отличаются и по своим повадкам. Стайки любят держаться по совершенно голым берегам соров или по речным отмелям; гнездящиеся песочники и вообще одиночки и пары держатся по топким местам болота или озера, покрытым реденькой травкой, или по таким, где участки густой травы чередуются с проплешинами; стайки в таких местах встречаются лишь с прилета. ...Я уверен, что все песочники, встречающиеся вне времени пролета по травянистым болотам края, здесь и гнездятся". Это высказывание говорит в пользу того, что П.П. Сушкин различал гнездящихся особей и негнездящихся.

Грязовик (*Limicola falcinellus* (Pontoppidan 1763)) найден на гнездовании Зарудным (1897, с. 299) на камышистых сорах около озер Ак-коль и Туз-коль [13], где в конце июня 1888 г. он "поймал несколько уже оперившихся, но еще нелетных птенцов". Сушкин (1908) дважды встречал грязовиков в верхнем течении Иргиза летом 1894 г. В одном из этих случаев "7 июля на Камысты-куле [14] — камышистом болоте с солонцеватыми берегами неподалеку от камышистого озера Билль-копа был добыт отводивший самец грязовика в брачном наряде и с пятном насидивания; после выстрела по другим куличкам грязовик сам налетел на меня и долгое время кружился около" (с. 137) — при этом осенний пролет грязовиков обычно идет в августе, самое раннее и лишь в отдельные годы — с 10 июля, причем, стаями.

ОБСУЖДЕНИЕ

Как видно, данные о гнездовании в 19 веке северных куликов в Оренбургском крае весьма противоречивы. Одни и те же авторы в одних случаях приводят вроде бы убедительные факты, в других случаях делают явно ошибочные выводы. Тундровые кулики в прошлом вообще многих исследователей вводили в заблуждение, и не только в Оренбуржье. Эти виды, особенно песочники, весной не торопятся лететь к местам гнездования. Они подолгу, вплоть до начала лета, держатся по берегам степных водоемов (Белик, 1996; наши данные), а долетев до тундр, сразу приступают к гнездованию. Но в случае неудачи некоторые из них (круглоносый плавунчик, кулик-воробей и др.), практически не предпринимая повторных попыток, немедленно покидают район гнездования (Рябицев, 1993; Рябицев и др., 2005) и спустя считанные дни снова оказываются в южных областях. Этот летний перерыв в пребывании данных видов в степной зоне, во время которого птицы успевают ненадолго слетать в тундру и вернуться обратно, бывает настолько коротким, что его подчас можно и не заметить. Но, главное, у птиц, еще недавно имевших кладки, могут сохраняться наседные пятна и элементы гнездового поведе-

ния, хотя они и пролетели уже тысячи километров к югу (например, Гаврилов, 1985).

Такие особенности биологии тундровых видов куликов могут вызывать ошибочные представления о характере их пребывания в определенной местности, что заставляет искать иные, более весомые доказательства гнездования, чем летние встречи взрослых птиц и кочующих выводков. На это обращали внимание Михеев (1938), Бутурлин (1905, 1934) и другие. В частности, Бутурлин (1934, с. 95) подвергает сомнению факты гнездования кулика-воробья в области низовий Илека (Сары-Куль) и у Актюбинска на том основании, что "самки песочников нередко кочуют и отлетают, оставляя пуховиков на попечение самца" (хотя при этом соглашается с доводами в пользу гнездования круглоносого плавунчика в бассейне Урала). А после появления статьи Чельцова-Бебутова (1950) и вовсе все сделанные ранее выводы о гнездовании северных видов куликов в оренбургских степях были окончательно отвергнуты. В региональной сводке "Птицы Казахстана" (Долгушин, 1962) уже ни один факт гнездования рассматриваемых видов не упоминается — все они характеризуются только как пролетные.

Статья А.М. Чельцова-Бебутова

Первый вопрос, возникающий после знакомства с первоисточниками: почему эти вроде бы неопровержимые факты гнездования рассматриваемых видов были проигнорированы? Почему находки кладок и пуховиков были списаны на ошибки в определении вида? Чтобы ответить на этот вопрос, следует прежде всего обратиться к работе Чельцова-Бебутова "О характере пребывания в Казахстане северных видов куликов" (1950). Именно эта статья сыграла ключевую роль в отношении к гнездованию тундровых видов куликов в Казахстане, фактически поставив в нем точку. Значение этой небольшой статьи было столь велико, что профессор И.А. Долгушин, создатель 5-томной монографии по птицам Казахстана, убрал из числа гнездящихся видов не только всех тундровых куликов, но также и некоторых имеющих более широкое распространение: черныш (*Tringa ochropus*), фифи (*T. glareola*), большой улит (*T. nebularia*), перевозчик (*Actitis hypoleucos*), бекас (*Gallinago gallinago*), дупель (*G. media*).

В течение трех месяцев, с 8 июня по 8 сентября 1946 г., А.М. Чельцов-Бебутов изучал сезонную динамику видового состава и численности куликов на территории Наурзумского заповедника, а также проводил наблюдения за ходом их гнездования, кочевок и миграции, которые детально описал в своей статье. В отношении северных видов куликов он не обнаружил никаких признаков гнездования (как не обнаружили их и работавшие на этой территории ранее Де-Ливрон (1938) и Михеев (1938), также наблюдавшие эти виды в

летнее время). На основании этого Чельцов-Бебутов (1950, с. 89) пришел к заключению, что “ни летние находки парочек или стаяк, ни встречи молодых птиц, ни брачные песни, ухаживания и драки, ни привязанность отдельных птиц к определенным местам — ничто это не может служить доказательством гнездования”. Этот принцип стал основополагающим для последующих поколений фаунистов и остается таковым в наши дни. Безусловно, статья А.М. Чельцова-Бебутова имела чрезвычайно важное значение для фаунистики. В ней впервые было четко обозначено, что встреча где-либо того или иного вида птиц в гнездовое время еще не доказывает, что этот вид здесь гнездится. С другой стороны, нужно было как-то объяснить описанные ранними исследователями находки яиц и пуховичков тундровых видов куликов. С этими фактами А.М. Чельцов-Бебутов поступил весьма просто. Он “объяснил” их неправильным определением видов. Это выглядело уже не совсем этично. Почему он так поступил? Попробуем выяснить.

А.М. Чельцов-Бебутов (1922–1978) — выдающийся советский орнитолог, эколог, биогеограф, систематик, фаунист. Он внес большой вклад в развитие отечественной науки, в первую очередь — зоогеографии (например, Флинт и др., 1999). Но на момент написания статьи (1946 г.) он был еще студентом университета, и та статья была его первой научной публикацией. Здесь нужно заметить, что советская наука в те годы имела сильную политическую составляющую. То, что молодой советский исследователь “в очередной раз разоблачил маститых царских ученых”, вполне соответствует духу того времени. Это чувствуется в некоторых явно пренебрежительных фразах: “На основании летних находок парочек и стаяк или добычи самок с пятнами насиживания Сушкин населил различные зоологические участки описываемого им края гнездящимися — иногда, правда, sporadично — камнешарками, плавунчиками, тремя видами песочников, турухтанами и некоторыми другими северными видами куликов” (с. 81). (Мы не включили в обсуждаемые виды упомянутого им турухтана (*Philomachus pugnax*), т.к. для него имеется достаточно убедительных доказательств гнездования в оренбургских степях, в т.ч. коллекции кладок яиц — см. ниже.)

Рассуждая о сохранении наседных пятен у родителей до подъема молодых на крыло, что вполне оправдывает наличие таких пятен у птиц, летящих из северных мест гнездования, А.М. Чельцов-Бебутов почему-то умалчивает, что эти пятна были обнаружены и в самом начале сезона размножения — у птиц, явно еще не побывавших в тундровой зоне. Вряд ли можно обнаружить наседные пятна у тех особей, которым еще предстоит долететь до мест гнездования. Кстати, позднее Чельцов-Бебутов (1958) изменил свое мнение о характере пребывания в районе Наурзума кас-

пийского зуйка (*Charadrius asiaticus*) благодаря именно наличию наседных пятен у экземпляров, собранных А.Р. Де-Ливроном.

Факты же находок кладок яиц и пуховых птенцов тундровых видов куликов явно не укладывались в созданную А.М. Чельцовым-Бебутовым общую картину, ведь в случае их признания статья лишалась бы всякого смысла. И он решил попросту проигнорировать эти факты, списав их на неправильное определение видов. Тем более что, как мы увидели выше, заслуживающих внимания фактов действительно было немного, большинство выводов первых исследователей о гнездовании тундровых видов куликов были несостоятельны. Находки кладок и пуховичков не были подкреплены коллекционным материалом, сведения о таких находках приведены лишь для 4 видов, причем для двух из них они имели явно случайный характер. Новые гнездовые находки тундровых куликов, которые могли бы подтвердить правоту дореволюционных исследователей, отсутствовали. Поэтому современники были вынуждены согласиться с “заезжим” столичным студентом, который написал небольшую критическую статью по результатам наблюдений одного лишь летнего сезона и в ней отчасти перечеркнул труды именитых ученых, посвятивших многие годы исследованию оренбургских степей и из-под пера которых вышли увесистые тома.

Однако, может быть, действительно имело место неправильное определение видов? Попытаемся разобраться.

О научной квалификации исследователей оренбургских степей 19 века

Наибольший вклад в изучение фауны птиц Оренбургского края в 19 веке сделал натуралист и путешественник Н.А. Зарудный (1859–1919). Будучи преподавателем Кадетского корпуса в Оренбурге в 1879–1892 гг., он посвятил все эти годы исследованию животного мира края, главным образом птиц, в окрестностях Оренбурга, среднем течении Урала и бассейне Илека. Его считают самым крупным русским систематиком птиц, выделившим более 250 их разновидностей (Чибилёв, 2012). Его квалификация как орнитолога высочайшего класса была многократно подтверждена современниками, а его имя считалось знаковым для орнитологии в конце 19–начале 20 веков не только в России, но и далеко за ее пределами. Н.А. Зарудный до сих пор является непревзойденным фаунистом и коллектором (Ковшарь, Митропольский, 2009; Давыгора, 2000, 2010; и др.). Даже академик Ф.Д. Плеске, редактировавший его рукопись и разбиравший его сборы, в ряде случаев ошибался, полагая, что нашел некоторые неточности в определении видов. Современная ревизия коллекционных сборов показала, что прав был Н.А. Зарудный, а не Ф.Д. Плеске

(Коблик и др., 2006, с. 206). И такие факты не единичны.

При этом Н.А. Зарудный не имел фундаментального биологического образования и, мало того, наиболее ключевые находки северных куликов сделал еще в 25-летнем возрасте. На недостаток его научного опыта в ту пору обращает внимание Бутурлин (1905, с. 226–227): *“...Поездка Зарудного летом 1883 г. (к коему и относятся разбираемые находки) была довольно спешная; на Биш-Копинских сорах (где краснозобик был немногочислен) он побывал в конце июня, а на Сор-Куле — в конце июля, и здесь-то и нашел краснозобика обыкновенным. Конец июля, даже далеко к северу за полярным кругом, слишком позднее в большинстве случаев время для наблюдений над брачными повадками и гнездованием куликов, не говоря уж о таких сравнительно южных местностях, как Киргизские степи Уральской обл. Таким образом, Н.А. Зарудный и не мог сообщать наблюдений над гнездованием, коих не сделал. ...В 1882–1884 гг. Н.А. Зарудный лишь первые годы серьезно занимался орнитологией, и с большим основанием можно предполагать, что теперь, двадцать лет спустя, с обширным опытом, приобретенным в тех же киргизских степях и на обширных, до него зоологически почти неизвестных пространствах Туранской низменности и Иранского плоскогорья, он не принял бы находку лётной, хотя и совсем молодой птицы за несомненное доказательство гнездования, как, разумеется, не принял бы линючих, истрепанных и выцветших старых птиц за полный блеск их брачного наряда”*.

Действительно, можно допустить, что Н.А. Зарудный в силу своего молодого возраста мог ошибаться в интерпретации статуса пребывания в регионе того или иного вида. Но обвинения его в неправильном определении видовой принадлежности кладок яиц и птенцов куликов все же нелепы. Добавим к этому, что оперившиеся, но еще нелетающие или плохо летающие птенцы таких видов, как плавунчики, кулик-воробей и грязык, вдвое мельче птенцов тех видов, гнездовые находки которых в Оренбургском крае ни у кого не вызывали сомнений. То есть определить их ошибочно, спутав с птенцами других видов, невозможно хотя бы даже по их величине. Также невозможно, имея даже начальный уровень квалификации, перепутать их с птенцами схожего размерного ряда, например, с малым зуйком (*Charadrius dubius*).

Нужно добавить, что и академик П.П. Сушкин тоже критиковал Н.А. Зарудного. В своем обзоре фауны птиц Средней Киргизской степи (Сушкин, 1908) он называл его слабой стороной *“чрезвычайно легкое пожалование птиц в разряд гнездящихся”* (с. 14–15). В оправдание Н.А. Зарудного мы можем привести его собственное высказывание (Зарудный, 1897, с. 302): *“Решая же вопрос гнездования того или иного из них, мне приходилось, если не находил гнезд, обращать внимание на пове-*

дение самок, нелетающих птенцов и т.п., но никоим образом не руководствоваться ранними находками старых птиц”. Однако гораздо важнее здесь то, что характеризуя так Н.А. Зарудного, П.П. Сушкин сам предстает перед нами как строгий и ответственный исследователь. И если он относит какие-то виды птиц к разряду гнездящихся (пусть вслед за кем-то из своих предшественников), то, очевидно, полностью отвечает за свои слова.

Необходимость получения строгих доказательств гнездования птиц П.П. Сушкин выразил в отношении еще к одному своему предшественнику (с. 180): *“...Во многих местах книги Эверсмана совершенно не обращено внимания на то, встречается ли данная птица в известной местности в качестве пролетной или бродячей, словом не гнездящейся, или же и гнездится здесь; условия нахождения обозначены неопределенным словом “водится”. Надо однако заметить, что лишь после смерти Эверсмана, в шестидесятых и даже в семидесятых годах, стала полнее выясняться необходимость строго различать для каждой данной местности гнездящихся птиц от негнездящихся”*. После таких слов приходится признать, что если в работах Н.А. Зарудного и П.П. Сушкина про тот или иной вид сказано: *“найден гнездящимся”*, то для этой формулировки у авторов имелись достаточно веские основания, пусть даже они их и не приводят. И вряд ли мы вправе отбрасывать эти сведения как вовсе бездоказательные и голословные.

Случайное гнездование на путях пролета

Для ряда северных видов птиц свойственно случайное гнездование в различных местах на путях пролета. Один из таких видов куликов в Западной Сибири — турухтан. Его основной гнездовой ареал расположен в южной тундре и лесотундре, но его можно найти на гнездовании и южнее: на большей части лесной зоны и даже в степи (Рябицев, 2014). Создается впечатление, что часть особей остается гнездиться по пути миграции, не долетая до основных мест размножения, причем число таких особей постепенно убывает по направлению с севера на юг. Образно выражаясь, весной поток пролетных турухтанов оставляет за собой своего рода “шлейф”, или “хвост кометы” из остающихся гнездиться самок, который постепенно редет к югу и исчезает на границе степной и полупустынной зон. Самые южные точки гнездования турухтана известны на р. Илек в Оренбургской обл. (сборы Е.П. Спангенберга, хранящиеся в музеях Института общей и экспериментальной биологии СО РАН и Института зоологии АН КазССР) и в низовьях Тургая (Хроков, 1988).

Нужно учесть, что турухтан — это один из самых многочисленных видов куликов, мигрирующих через оренбургские степи. В отдельные годы в Зауралье, по нашим наблюдениям, он может да-

же превышать по обилию всех остальных пролетных куликов, вместе взятых. Но даже у такого многочисленного вида на путях пролета гнездятся лишь единичные особи (точнее, известны лишь единичные находки). Возможно, отдельные случаи гнездования в южных широтах имеют место и у других пролетных видов куликов, но из-за их малочисленности шансов их обнаружить гораздо меньше. Факты успешного (!) гнездования на путях пролета известны для таких видов как краснозобая казарка (*Branta ruficollis*) в Курганской обл. (Наумов, 2001; Тарасов и др., 2010), лутток (*Mergellus albellus*) в Наурзумском заповеднике (Брагин, Брагин, 2009), морянка (*Clangula hyemalis*) под Тюменью (Шаронов, 1954 – цит. по: Блинова, Блинов, 1997) и др. За каждым таким случаем стоят вполне объективные причины, препятствующие дальнейшей миграции птиц к северу. Возможно, кто-то из брачной пары был подранен, и птицы были вынуждены задержаться. Могли быть и другие причины. Нам ничего не известно, что вынуждает отдельных самок турухтана не лететь дальше на север, а оставаться гнездиться в степной зоне. Возможно, эти единичные факты гнездования объясняются разнокачественностью особей, которая есть в любой популяции и которая имеет адаптивное значение (например, Шилов, 1985). (И чем больше объем выборки, тем легче найти в ней всевозможные отклонения от статистической нормы – по физиологическим, поведенческим и любым другим признакам.)

Известно, что круглоносые плавунчики изредка гнездятся в Новгородской обл. (Мищенко, Суханова, 2009) и на берегах и островах Белого и Балтийского морей (Лаппо и др., 2012) – тоже вдали от основного гнездового ареала. По-видимому, такого же рода “исключительно редкой случайностью” была и находка нелетного выводка плосконосого плавунчика Н.А. Зарудным у низовьев Илека (Бутурлин, 1934, с. 191). Миграционные пути этого вида проходят вдоль морских побережий, тогда как во внутриматериковых районах это редкий залетный вид. Представить, чтобы в таких условиях птицы могли найти пару и загнеститься где-либо в степях вдали от пролетных путей, сейчас сложно. Но ранее в оренбургских степях они встречались стайками (например, в июле 1883 г. на Сор-Куле была встречена стайка из 13 особей – цит. по: Сушкин, 1908), что позволяет предполагать существование некогда пролетного пути, проходившего через Каспий и Тургайскую депрессию.

Следует заметить, что турухтан и еще ряд видов куликов (плосконосый плавунчик, кулик-воробей, краснозобик и др.) – это территориально лабильные виды, особи которых не стремятся вернуться весной на места своего прошлогоднего гнездования (Shamel, Tracy, 1977; Рябицев, 1993; Соловьев и др., 1996; Рябицев и др., 2005; Tomkov-

ich, Soloviev, 2006; и др.). При возникновении определенных препятствующих миграции условий они могут предпочесть загнеститься где-нибудь на путях пролета, чем продолжать любой ценой лететь дальше, тем более что после откладки яиц они уже не нуждаются в наличии партнера. Но известно, что даже и у таких территориально консервативных видов как тулес (*Pluvialis squatarola*) часть особей меняют от года к году места гнездования (Рябицев, 1998). По-видимому, и задержавшимся по какой-либо причине на миграции казаркам, у которых пары постоянные и летят супруги всегда вместе, предпочтительнее устроить гнездо вне основного ареала, чем совсем пропустить сезон размножения. (Кстати, краснозобые казарки вполне успешно гнездятся во многих зоопарках.) Из этих соображений, учитывая, что у ряда куликов (камышарка, плосконосый и круглоносый плавунчики, кулик-воробей, краснозобик, песчанка) пары могут формироваться на последних этапах весеннего пролета (Кондратьев, 1982; Stamp, Simmons, 1983; Рябицев, 1993; Лаппо и др., 2012; и др.), нельзя исключать возможность их эпизодического размножения вдали от тундровых гнездовых ареалов.

О сдвигах гнездовых ареалов

За последние годы накоплено немало данных о значительных изменениях очертаний гнездовых ареалов у птиц даже за относительно короткое время. Во многих случаях эту динамику ареалов определяют многовековые климатические циклы. Так, например, у половины гнездящихся в южном Зауралье видов куликов проходящие здесь границы распространения (у одних – южные, у других – северные) за 20 столетие сдвинулись к северу в среднем на три параллели а у отдельных видов – на семь параллелей (Поляков, Тарасов, 2011), что согласуется с процессами потепления климата. Но потепление это началось не в 20 веке, а значительно раньше. В масштабе вековых климатических циклов (по: Кривенко, 1991) заметное потепление можно увидеть уже с 18–начала 19 века, когда закончился т.н. “малый ледниковый период”, и с тех пор температура воздуха на Земле неуклонно растет.

Тот же турухтан еще 50–100 лет назад в оренбургских степях был обычным гнездящимся видом (Райский, 1913; Степанян, 1971). Зарудный (1888) находил его “очень обыкновенным” на гнездовье по Хобде и по болотистым лиманам в южных степях. На этикетке к одной из коллектированных Е.П. Спангенбергом кладок, датированной 25 мая 1931 г., указано, что гнездящиеся турухтаны здесь (окрестности села Саргачин Акбулакского р-на Оренбургской обл.) были многочисленны; еще одна этикетка датирована 28 мая 1948 г. С тех пор турухтан на гнездовании в рассматриваемом регионе был обнаружен лишь од-

нажды – в 1986 г. в Иргизском р-не Актюбинской обл. (Хроков, 1988).

Упомянутый выше “шлейф” эпизодического гнездования этого вида на путях пролета от южных степей до северной тайги может свидетельствовать о существовании некогда единого гнездового ареала по берегам Тургайского пролива, соединявшего Западно-Сибирскую низменность с Арало-Каспийским морем (Suess, 1901; Найдин, 2003). И, возможно, такое распространение было характерно не только для турухтана, но и для ряда других видов птиц. Современные гнездовые ареалы многих северных куликов в Евразии (тулес, золотистая ржанка (*Pluvialis apricaria*), галстучник, шеголь (*Tringa erythropus*), круглоносый плавунчик, турухтан, кулик-воробей, белохвостый песочник (*Calidris temminckii*), чернозобик, грязовик, малый веретенник (*Limosa lapponica*)) наиболее сильно вклиниваются на юг в глубь материка именно в Западной Сибири (Лаппо и др., 2012) (очевидно, благодаря ее низменности), а часть этих видов имеют здесь изолированные очаги ареала, но при этом не имеют здесь (за исключением малого веретенника) “оптимума”, или “ядра” ареала (там же), что наводит на мысль об угасании этих очагов.

Еще Зарудный (1888, с. 22) писал, что в случайном гнездовании в Оренбуржье поморников (*Stercorarius* sp.), белой совы (*Nyctea scandiaca*), плосконого плавунчика и ряда других видов, вероятно, видны “умирающие остатки прежде обширного распространения, относящегося ко времени существования Арало-Каспийского моря”. Сушкин (1908) приводил опросные данные о гнездовании стерха (*Grus leucogeranus*) в Тургайской низменности. Назаров (Nazarov, 1886) описывал заболоченные березняки по берегам оз. Айке на территории современной Оренбургской обл. (сейчас их нет), где также гнездились стерхи. Подробнее о влиянии ритмов климата на динамику ареалов водно-околоводных птиц в северной Евразии см. в обзоре Кривенко и Виноградова (2008).

Вместе с тем, сомнения в возможности гнездования тундровых куликов в степной зоне может вызвать отсутствие необходимых для них местообитаний. В частности, кулик-воробей устраивает гнезда в моховой дернине, плавунчики – на сырых травянистых и моховых болотах или берегах озер среди невысокой травы, грязовик – на топких моховых или травянистых болотах с кочками и купами кустов (Лаппо и др., 2012; Рябцев, 2014). Такие растительные ассоциации характерны для зоны тундр, тогда как в степной зоне физиономически похожие местообитания можно обнаружить лишь местами по берегам озер, в поймах рек, на травяных и моховых болотах, рямах и сплавинах. Сейчас их площадь в сравнении с открытыми сухими степями ничтожно мала, но 150 лет назад, судя по описаниям ха-

рактера местностей Зарудного (1888) и Сушкина (1908), она была больше.

Некоторые заключительные соображения

В обсуждении обозначенной в названии статьи проблемы мы сознательно ограничились лишь тундровыми видами куликов, хотя есть основания говорить о былом гнездовании в оренбургских степях и ряда лесных видов. Так, например, Зарудный (1888, с. 308) в конце мая 1882 г. нашел в Губернаторских лугах (около Оренбурга) гнездившуюся парочку мородунок (*Xenus cinereus*), “отводившую от яиц” – из этого следует, что была найдена кладка. Сушкин (1908) на Эмбе в мае 1898 г. находил кладки фифи. В пользу доводов Н.А. Зарудного и П.П. Сушкина следует также заметить, что далеко не все летующие в степях виды тундровых куликов они отнесли в ранг гнездящихся. Так, Зарудный (1888, с. 274) пишет, что находил молодых золотистых ржанок, “очевидно, воспитанных где-нибудь поблизости, но никогда и нигде не встречал гнездившихся”. Ни ему, ни П.П. Сушкину не удалось найти каких-либо свидетельств гнездования белохвостого песочника. В качестве определенно негнездящихся в степях видов они называют тулеса, шеголя, гаршнепа (*Lymnocryptes minimus*), малого веретенника, хотя все они тоже были встречены ими в летнее время.

К сожалению, Н.А. Зарудный не коллектировал кладки и в большинстве случаев не приводил подробных описаний своих находок, а ограничивался короткой формулировкой “найден гнездящимся”. Своей задачей он ставил перечислить в первую очередь те места, где нашел данный вид на гнездовании, а где на пролете и т.п., не отвлекаясь на детали биологии размножения вида. Лишь в немногих видовых очерках он касается этих деталей, приводя описания в т.ч. кладок круглоного плавунчика, нелетных птенцов плосконого плавунчика и грязовика. Или, к слову, в очерке о турухтане (Зарудный, 1888, с. 298–300) после стандартной фразы “найден гнездящимся там-то и там-то” он решил дать описание поведения вспугнутых с гнезда самок из-за необычности этого поведения, а вместе с ним и описание устройства гнезд. Некоторые подробности Н.А. Зарудный выносит в примечания. Так, о дупеле (там же, с. 295) он пишет: “В окрестностях Буранной, Изобильной и Новошелецкой в июле (1880 г.) они были очень обыкновенны (почти все старики), но гнездившимся я нашел всего три штуки, несмотря на самые тщательные поиски”. После таких слов сомневаться в самом факте гнездования вида уже трудно, хотя конкретных данных автор так и не привел. И если в других очерках он не указывает прямо на находки гнезд, это еще не означает, что он их не находил.

П.П. Сушкин, в отличие от Н.А. Зарудного, уже как раз приводит подробные описания своих

находок. Однако из всех его находок некоторым свидетельством гнездования тундровых куликов может служить, пожалуй, лишь одна: добытая 24 мая 1894 г. самка кулика-воробья с наседным пятном (и то, если только это образование не было результатом какой-либо травмы птицы). Он совершил две длительные экспедиции (в 1894 и 1898 гг.) и обследовал территорию от северо-востока Кустанайской обл. до низовьев Иргиза и Мугоджар, однако его пребывание здесь пришлось на засушливый период, когда большинство озер и некоторые реки полностью пересохла.

Итак, мы полагаем, что часть находок исследователей 19 века была незаслуженно отвергнута и забыта. Если многие выводы о гнездовании тундровых куликов в оренбургских степях и были ошибочны, не менее ошибочно было и отрицание всех этих данных без разбора. Приведенные выше свидетельства показывают, что имеются достаточно убедительные доказательства гнездования в оренбургских степях круглоногого плавунчика и позволяют предполагать спорадическое гнездование здесь, по крайней мере, еще трех видов — плосконого плавунчика, кулика-воробья и грязовика. А наряду с ними, вероятно, и ряда других. По всей видимости, имело место случайное гнездование пролетных особей. Однако нельзя исключать также и того, что в конце “малого ледникового периода”, продолжавшегося до середины 19 века (Шнитников, 1950, 1957), здесь еще существовали изолированные, со своими особенностями биологии, степные популяции куликов, основные области гнездования которых расположены в тундровой зоне — наподобие современных изолированных популяций тех же видов на тундроподобных болотах в таежной зоне Западной Сибири (Виноградов и др., 1991, 1992) или степного подвида среднего кроншнепа (*Numenius phaeopus alboaxillaris*). В таком случае Н.А. Зарудный и П.П. Сушкин оказались теми последними исследователями, которым удалось застать на гнездовании в Оренбургском крае эти впоследствии исчезающие популяции. Однако данная гипотеза нуждается в дальнейшем накоплении фактов.

Что же касается личности А.М. Чельцова-Бebutова, мы ни в коей мере не считаем себя вправе упрекать его в необъективности, предвзятости или других нарушениях научной этики. Наоборот, даже сейчас, по прошествии более чем полувека после опубликования его первой статьи (Чельцов-Бebutов, 1950), мы склонны согласиться с тем, что звучащая в ней столь резкая риторика была в то время в полной мере оправдана. Не будь этой статьи, написанной именно в таком стиле, то и дело продолжали бы появляться новые “сведения” о гнездовании того или иного северного вида птиц в различных южных областях нашей страны. И пусть, как это часто бывает, не обошлось без “перегиба”, такая критика была необходима, чтобы вывести отечественную авифау-

нистику на новую ступень развития. Тем более что уже в следующей статье Чельцова-Бebutова (1958) нет ни малейшего намека на неуважение к предшественникам, написана она в строгом научном стиле, с тщательным и всесторонним анализом поставленной проблемы, какой и должна быть качественная научная работа.

Обстоятельства сложились таким образом, что формирование интереса к фауне птиц Оренбургского края до того уровня, когда исследователи начали объективно различать гнездящихся особей куликов от пролетных, пришлось на самый конец предполагаемого существования их южных популяций. После появления статьи Чельцова-Бebutова (1950), где были впервые четко обозначены необходимые требования для признания фактов гнездования того или иного вида в каждой конкретной местности, крайне недоставало новых гнездовых находок тундровых видов куликов, соответствующих этим требованиям. Они подтвердили бы правоту П.П. Сушкина и Н.А. Зарудного. Но, к сожалению, в то время на фоне потепления и аридизации климата такие находки были уже невозможны.

БЛАГОДАРНОСТИ

Мы очень признательны П.С. Томковичу и В.К. Рябицеву за ряд критических замечаний и ценных советов.

Работа выполнена в рамках госзадания Института экологии растений и животных УрО РАН.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белик В.П., 1996. “Летование” северных видов куликов в южной России // Экология. № 6. С. 468–470.
- Блинова Т.К., Блинов В.Н., 1997. Птицы Южного Зауралья: лесостепь и степь. Т. 1. Фаунистический обзор и охрана птиц. Новосибирск: Наука. 296 с.
- Брагин Е.А., Брагин А.Е., 2009. Первая регистрация гнездования лутка *Mergellus albellus* в Наурзумском заповеднике // Русский орнитологический журнал. № 496. С. 1168–1169.
- Бутурлин С.А., 1905. Кулики Российской империи. Вып. 2. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина. С. 69–256.
- Бутурлин С.А., 1934. Полный определитель птиц СССР. Т. 1. Кулики, чайки, чистики, рябки и голуби. М. — Л.: Всесоюзное кооперативное объединенное изд-во. 256 с.
- Виноградов В.Г., Кривенко В.Г., Панфилов А.Д., 1991. Очаг тундровой орнитофауны в верхней части бассейна реки Пур // Материалы 10-й Всесоюз. орнитологической конф. Минск: Наука і техника. Ч. 1. С. 52–53.
- Виноградов В.Г., Кривенко В.Г., Парфенов А.Д., 1992. Уникальное сообщество куликов на севере Западной Сибири // Информационные материалы Рабочей группы по куликам. Вып. 8. С. 63–65.

- Волчанецкий И.Б.*, 1937. К орнитофауне Волжско-Уральской степи // Труды науч.-исслед. Зоолого-биол. ин-та Харьков. ун-та. Сектор экологии. Т. 4. Харьков. С. 23–78.
- Гаврилов А.Э.*, 1985. О наседных пятнах некоторых видов куликов на осеннем пролете в Центральном Казахстане // Орнитология. Вып. 20. С. 181–182.
- Гордиенко Н.С.*, 1982. О фауне куликов Наурзумского заповедника // Орнитология. Вып. 17. С. 162–163.
- Давыгора А.В.*, 1998. Заметки по авифауне степного Предуралья // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Вып. 3. С. 55–63.
- Давыгора А.В.*, 2000. Орнитологическая фауна Оренбургской области. Оренбург: Изд-во ОГП. 84 с.
- Давыгора А.В.*, 2010. Н.А. Зарудный в Оренбургском крае – к 150-летию юбилею // Орнитология в Северной Евразии: материалы XIII Междунар. орнитол. конф. Северной Евразии: тезисы докладов. Оренбург: Изд-во ОГП. С. 7–8.
- Де-Ливрон А.Р.*, 1938. Птицы Наурзумских степей // Труды Наурзумского гос. заповедника. М.: Искра революции. Вып. 1. С. 29–126.
- Долгушин И.А.*, 1962. Отряд Кулики – Limicolae // Птицы Казахстана. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР. Т. 2. С. 40–245.
- Зарудный Н.А.*, 1888. Орнитологическая фауна Оренбургского края // Записки Императорской академии наук. СПб.: Тип. Имп. АН. Т. 57. № 1. 338 с.
- Зарудный Н.А.*, 1889. Дополнительные заметки к познанию орнитологической фауны Оренбургского края // Bulletin de la Societe Imperiale des Naturalistes de Moscou. Вып. 2. С. 658–681.
- Зарудный Н.А.*, 1897. Дополнения к “Орнитологической фауне Оренбургского края” // Материалы к познанию фауны и флоры Российской империи – приложение к Bulletin de la Societe Imperiale des Naturalistes de Moscou. Вып. 3. С. 171–312.
- Коблик Е.А., Редькин Я.А., Архипов В.Ю.*, 2006. Список птиц Российской Федерации. М.: Товарищество научных изданий КМК. 287 с.
- Ковшарь А.Ф., Митропольский О.В.*, 2009. Николай Алексеевич Зарудный – орнитолог и путешественник // Selevinia (Казахстанский зоологический ежегодник). С. 7–14.
- Кондратьев А.Я.*, 1982. Биология куликов в тундрах северо-востока Азии. М.: Наука. 192 с.
- Коровин В.А.*, 1997. Птицы южной оконечности Челябинской области // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Вып. 2. С. 74–97.
- Кривенко В.Г.*, 1991. Водоплавающие птицы и их охрана. М.: Агропромиздат. 271 с.
- Кривенко В.Г., Виноградов В.Г.*, 2008. Птицы водной среды и ритмы климата Северной Евразии. М.: Наука. 588 с.
- Лаппо Е.Г., Томкович П.С., Сыроечковский Е.Е.*, 2012. Атлас ареалов гнездящихся куликов Российской Арктики. М.: УФ Офсетная печать. 448 с.
- Михеев А.В.*, 1938. К составу авифауны Наурзумского заповедника // Труды Наурзумского гос. заповедника. М.: Искра революции. Вып. 1. С. 127–152.
- Мищенко А.Л., Суханова О.В.*, 2009. Динамика численности и распределения куликов в Приильменье // Кулики Северной Евразии: экология, миграции и охрана: тезисы докладов VIII Международной научной конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН. С. 107–108.
- Назин А.С.*, 2014. К орнитофауне Шалкаро-Жетыкольского озерного района и Соль-Илецких озер // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Вып. 19. С. 96–101.
- Найдин Д.П.*, 2003. Тургайский пролив в системе меридионального соединения позднемиоценовых морей северного полушария // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отд. геол. Т. 78, вып. 4. С. 49–55.
- Наумов В.Д.*, 2001. К орнитофауне Целинного района Курганской области // Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири. Вып. 6. С. 127–128.
- Поляков В.Е., Тарасов В.В.*, 2011. Динамика гнездовых ареалов куликов в лесостепной зоне Зауралья в XX веке и ее причины // Кулики Северной Евразии: экология, миграция и охрана: материалы VIII междунар. науч. конф. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН. С. 58–76.
- Райский А.П.*, 1913. К орнитологической фауне Оренбургского края // Оттиск из “Работы лаборатории зоологического кабинета Императорского Варшавского университета”. Варшава: Тип. Варшавского уч. Совета. Т. 5–6. 149 с.
- Рябицев В.К.*, 1993. Территориальные отношения и динамика сообществ птиц в Субарктике. Екатеринбург: Наука. Урал. отделение. 296 с.
- Рябицев В.К.*, 1998. Полиморфизм окраски, территориальный консерватизм и постоянство пар у тулеса // Экология. № 2. С. 127–132.
- Рябицев В.К.*, 2014. Птицы Сибири: справ.-определитель. М. – Екатеринбург: Кабинетный ученый. Т. 1–2.
- Рябицев В.К., Алексеева Н.С., Тюлькин Ю.А., Тарасов В.В.*, 2005. К популяционной экологии кулика-воробья на Ямале // Сибирский экологический журнал. № 3. С. 497–505.
- Соловьев М.Ю., Головнюк В.В., Дементьев М.Н., Прохин Т.А., Свиридова Т.В.*, 1996. Условия гнездования и численность птиц на юго-восточном Таймыре в 1994–1996 гг.: итоговый отчет по проекту мониторинга куликов на Таймыре. 51 с. URL <http://waders.ru/pdf/taim96.pdf>.
- Степанян Л.С.*, 1971. Орнитологические наблюдения весной 1961 года на юге Оренбургской области // Фауна и экология животных: Учен. зап. Моск. гос. пед. ин-та. Т. 465. С. 181–219.
- Сушкин П.П.*, 1908. Птицы Средней Киргизской степи. Тургайская область и восточная часть Уральской // Материалы к познанию фауны и флоры Рос. империи. Отд.-ние зоологии. М.: Типолит. В. Рихтер. Вып. 8. 532 с.

- Тарасов В.В., Рябицев В.К., Берляков А.П., 2010. К авифауне севера Курганской области // *Материалы к распространению птиц на Урале, в Приуралье и Западной Сибири*. Вып. 15. С. 167–183.
- Флинт В.Е., Даниленко А.К., Рустамов Э.А., 1999. Александр Михайлович Чельцов-Бебутов // *Московские орнитологи*. М.: Изд-во МГУ. С. 500–513.
- Хроков В.В., 1988. Низовья р. Тургай — новое место гнездования турухтана // *Орнитология*. Вып. 23. С. 224–225.
- Чельцов-Бебутов А.М., 1950. О характере пребывания в Казахстане северных видов куликов // *Охрана природы*. М.: Всерос. общество охраны природы. Сборник 11. С. 80–94.
- Чельцов-Бебутов А.М., 1958. О пульсации ареалов некоторых видов птиц в районе Тургайской меридиональной депрессии // *Проблемы зоогеографии суши*. Львов: Изд-во Львов. ун-та. С. 325–334.
- Чибилёв А.А., 2012. Н.А. Зарудный — выдающийся естествоиспытатель Оренбургского края // *Наземные позвоночные животные аридных экосистем: материалы междунар. конф.* Ташкент: Chinor ENK. С. 326–331.
- Шилов И.А., 1985. Физиологическая экология животных. М.: Высшая школа. 330 с.
- Шнитников А.В., 1950. Внутривековые колебания уровня степных озер Западной Сибири и Северного Казахстана и их зависимость от климата // *Труды лаборатории озераведения АН СССР*. М. Т. 1. 129 с.
- Шнитников А.В., 1957. Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария // *Записки Географического общества СССР*. Т. 16. М.—Л.: Изд-во АН СССР. 336 с.
- Эверсмани Э.А., 1866. Естественная история Оренбургского края. Ч. 3. Естественная история птиц Оренбургского края. Казань: Тип. Казан. ун-та. 621 с.
- Cramp S., Simmons K.E.L. (eds.), 1983. *The birds of the Western Palearctic*. V. 3. Waders to Gulls. Oxford: Oxford University Press. 932 p.
- Nazarov P.S., 1886. Recherches zoologiques des Steppes des Kirguiz // *Bulletin de la Societe Imperiale des Naturalistes de Moscou*. V. 62. № 4. P. 338–382.
- Shamel D., Tracy D., 1977. Polyandry, replacement clutches and site tenacity in the red phalarope (*Phalaropus fulicarius*) at Barrow, Alaska // *Bird-Banding*. V. 48. P. 314–324.
- Suess E., 1901. *Das Antlitz der Erde* (Dritter Band, Erste Hälfte). Wien—Prague: F. Tempsky; Leipzig: G. Freytag, 508 s.
- Tomkovich P.S., Soloviev M.Y., 2006. Curlew Sandpipers *Calidris ferruginea* on their breeding grounds: schedule and geographic distribution in the light of their breeding system // *International Wader Studies*. V. 19. P. 19–26.

ON THE ISSUE OF THE NESTING OF TUNDRA WADER SPECIES IN THE ORENBURG STEPPE AREA IN THE 19TH CENTURY

V. V. Tarasov^{a, *}, L. V. Korshikov^{a, **}

^a*Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg 620144, Russia*

**e-mail: grouse@bk.ru*

***e-mail: tringa@yandex.ru*

A number of tundra wader species in the former Orenburg Province occasionally nesting in the second half of the 19th century were reported by such prominent researchers of the avifauna of that region as E.A. Eversmann, N.A. Zarudny, P.P. Sushkin and some others. In most cases, the scientists based their assumptions on circumstantial evidence alone, for instance summer records of adult birds and migrating broods. Taking into account the specific biology of the species in question, such data could not be regarded sufficient as a proof for the species' nesting. In the middle of the 20th century, the earlier data were revised and quite justly criticized: This led to all conclusions regarding the nesting of tundra wader species in the region as having been wrong. The matter seemed to be settled. Yet it should be noted that along with circumstantial data on the nesting of northern waders the early researchers had also reported very solid facts like finding nests with clutches of eggs and unflying chicks (including the Red-necked Phalarope and the Little Stint). For certain reasons, those facts were not considered during the revision that followed. Firstly, it was difficult to find an explanation for such outstanding evidence in the middle of the 20th century. Secondly, no new nests of those species were found that could confirm the 19th century researchers having been right. Furthermore, the idea that long-term cycles of climate changes influence the dynamics of bird nesting areas became widely accepted only by the end of the 20th century. Nowadays when this idea has been thoroughly developed, the possibility of the former nesting of some tundra wader species in arid regions does not seem incredible. It seems probable that N.A. Zarudny and P.P. Sushkin had been the last scientists to witness the nesting of tundra wader populations in the Orenburg Region as over time due to the climate warming the waders might have left the region for good. This study was performed in the framework of a state contract with the Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch, Russian Academy of Sciences.

Keywords: fauna, birds, distribution, nesting area dynamics, climatic cycles